

У НАС НА ЗАСТРОЯХ

Я прошел за кулисы примерно за два часа до начала очередного спектакля ЦАТСА, а на сцене между тем было большое оживление. Сдвигались какие-то кубы, трапедии, параллелипипеды. Вверх и вниз ходили подъемы. Слышался голос распорядителя: «Майна! Хорошо!» Огромное пространство сцены в танцевенной мерцающей полутьме, с характерным запахом огнестойкой пропитки, было занято десятком рабочих-монтировщиков. В перемещениях их, поначалу кажущихся хаотичными, все больше угадывалась продуманность, четкость. В считанные минуты их руками необычные по форме конструкции ловко складывались и оборачивались на глазах частью дома... Перед нами был непривычный вид невиданной доселе фабрики.

Чья же рука всем этим дирижирует?

Вот так, задавшись вопросом, я и познакомился с заведующим художественно-постановочной частью театра, заслуженным работником культуры РСФСР Яковом Михай-

ловичем Гецелевичем. О нем мне говорили: фигура в театральном мире достаточно заметная. Знал: работает Гецелевич в театре тридцать с лишним лет. Теперь предоставлялась возможность поговорить подробнее о том, как делается спектакль.

«Даже столяр, если он талантлив, всегда в какой-то степени поэт». Эти слова, сказанные сто лет назад Федором Михайловичем Достоевским, очень подходят к нашему разговору. Потому что речь пойдет о человеке, который и столяр, и слесарь, и электрик. И поэт.

В театре ему подчинены 14 цехов, в которых работают около 200 человек. Радисты, осветители, реквизиторы, монтировщики, костюмеры, гримеры, — это так называемые технические цеха. Потом, красильщики, прачки, сапожники, портные по пошиву мужской одежды, портные по пошиву женской одежды, маляры-декораторы, слесари...

Сам Гецелевич начинал когда-то рабочим сцены. Это было, вспоминает, в феврале 1947-го. Как раз демобилизовался, в звании гвардии

старшины, и пришел на московскую площадь Коммуны. Вот в этот, пятый служебный подъезд, который слева, если стоять лицом к ЦАТСА, и вошел. «Хочу работать в театре», — сказал. — За спиной четыре года войны, армия, считайте, с 1939 года, два ранения, а в сердце — давняя мечта, театр».

На работу его приняли сразу. Отчего же не принять? Дисциплину знает, мастерить умеет, в электричестве разбирается. Через два года — он уже главный машинист сцены. Упорный в работе, жадный до всякой полезной делу информации. Так что коллег не удивило и то, что вскоре он поступил без отрыва от работы вольнослушателем школы-студии ЦАТСА (была тогда такая), на постановочный факультет.

В 1975 году Гецелевич стал заведующим художественно-постановочной частью. А в 1979 году ему присвоили звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Жизнь в театре... Его жизнь... Напряженное время для теа-

тра — гастроли. Время актерских переживаний, удач, усталости. А в помещениях театров постоянно толчется рабочий народ, перетаскивают ящики, декорации, чистят, дряят. Каждый новый день — встреча со зрителем, аплодисменты и новые декорации, которые нужно ставить, ставить, ставить... И руководить, и спорить, и снова думать, как руководить, по-умному без помарок.

— Когда идете в отпуск? — спрашиваю.

Он затрудняется сразу ответить: «Может быть, в ноябре. Хотя, как сказать... В Москве мы готовим три новых спектакля. На малой сцене — «Стрелы Робин Гуда», «Человек на все времена», а на большой — «Оптимистическую трагедию...»

Заметьте, он сказал «мы». Так и надо понимать. Потому что хороший спектакль делается не только работой актеров, режиссеров, но и трудом монтировщиков, электриков, реквизиторов и других не менее важных людей театра.

К. ВАЛЕНТИНОВ.